

Канонизация Блока

Мит. Россия. — 1998. — 3 июля. — С. 15

Остывает лихорадка «общественного признания» поэтов, «пострадавших от властей», — Гумилев, Цветаева, Мандельштам, Шаламов и другие сегодня занимают каждый достойное и **свое** место в русской словесности XX века. Правда, уже и не столь преувеличенно-высокое, как это было в «новых святцах» послеперестроечной интеллигенции. И это понятно: приспущенные флаги — вот знак подлинной скорби о их судьбах. Но понятно и то, что трагические судьбы вовсе не являются бесплатным иллюстрированным приложением к несомненной гениальности, — скорее, они свидетельствуют о **масштабах** трагедии, постигшей страну, где каждый второй так или иначе «пострадал от властей».

Итак, по этому поводу страсти, кажется, остывают, и в конце XX века, так же как и в его начале, можно сказать с несомненной уверенностью: Блок — поэт номер раз в русской литературе нашего времени. Рядом с ним поставить некого.

Но именно при таком положении вещей и начинается самое страшное в посмертной судьбе поэта, последнее искушение — его канонизация. Все чаще и чаще из самой достойной академической среды, которой эта канонизация препоручена самим временем, теперь приходится слышать о Блоке как о завсегдатае заоблачной империи или попросту «небожители». Версия о «лунной» (если не сказать сомнамбулической) гениальности Блока (по Ремизову) переживает свое второе и, боюсь, бесповоротное утверждение.

Это куда опаснее плоского фрейдиизма западных слаvistas (Ж.Нива и ему подобные). И даже та кампания против Блока, которую, не сговариваясь, развернули «здешние» цеховые и «тамошние» вольнонаемные критики (Т.Глушкова, В.Крейд) в 80-х годах, кажется смехотворной (впрочем, такова она и на самом деле) по сравнению с костенеющим академизмом последнего времени. Обвинения в «сусальности», так же как и обвинения в «сатанизме», — Блока не достигли, а нами не были услышаны. Так и повисли в пустоте. Пустота же рано или поздно поглотит и труды плейбоя от литературоведения, и хай местечковых писак (которые теперь говорят уже о «возможном немецко-еврейском (!) происхождении поэта»).

Не эта бесплодная и чисто бумажная пустота пугает — но тот ледяной холод и вакуум, та надзвездная запертость и недосыгаемость (которая и есть **последнее** забвение), куда с самых высоких кафедр деревянными указками пытаются задвинуть образ поэта.

Блок — человек, и человек, без сомнения, в гораздо большей степени, чем Христос. Поэтому наивно было бы полагать, что он выдержит «четвертое искушение», уготованное Богочеловеку римской церковью: искушение верой до забвения, одухотворением до обескровливания — искушение запердностью. Именно это преступление университетской цивилизации Ницше назвал «убийством Бога». Именно так были «убиты» многие поэты западной цивилизации. Сейчас подобное грозит Блоку.

Это какой-то чудовищный заговор бакалавров! — негласная монополизация Блока с целью сделать его достоянием библиотечных крыс и собственных анатомических опытов.

Тем печальнее, что сам поэт всю жизнь боялся «стать достоянием доцента и критиков новых плодотворных».

Ребенок, отмеченный гениальностью, может так и не найти дороги к человечеству — не стать национальным гением (пример Хлебникова). Блок **нашел** свою землю и свой народ, которому был он послан. И уже поэтому всю лирику Блока было бы более чем недоросово рассматривать, не учитывая ее последней цели: «Трилогия вочеловечивания» — так назвал поэт три тома своих стихов.

Это лишний раз подчеркивает, **насколько** он сознавал единство своего лирического движения, его последнюю цель и обетование.

Впрочем, сознавали (а скорее — непосредственно ощущали) это и современники Блока. Горький, вглядываясь в высокую и неестественно прямую фигуру поэта, с удивлением (а Блок всегда на людях, **среди людей**, вызывал удивление) отмечает, что, появившись в этот момент передними марсиане с вопросом «что есть человек?», он указал бы им на Блока...

Иисус, в Гефсиманском саду шептавший: «Если только можно, Авва Отче, чашу эту мимо пронеси», — есть неслыханное до того торжество человечности. Не будь этого — и Церковь недосчиталась бы трех четвертей своей паствы, а христианство никогда не стало бы мировой религией, определившей судьбу мира. Но именно в проявлении этой слабости («слишком человеческого») и есть та непонятная сила, покорившая древний мир. Для человека, который воспринимает историю не как цепь досадных ошибок и заблуждений, но доподлинно и религиозно переживает ее как непреложную и священную судьбу мира, как его **единственную** дорогу среди солнц и звезд, — для такого человека и в его личной судьбе, и в истории мира представляется самым страшным сама возможность того, **что что-нибудь могло не произойти или произойти не так**. И Блок, эсхатологически страстно желавший обновления этого мира, все-таки всецело принадлежит ему, его культуре, меченной человечностью.

Именно поэтому: Блок в Шахматове, Блок удивительного открытого смеха и домашних самописных юмористических журналов, Блок **живой** («дитя добра и света») — так же важен для нас, как и Свадьба в Кане, и человеческий крик Христа, крестная Его слабость, услышанная миром, покорившая мир.

Блок, лишенный этого, вне последних, **земных** оснований своего творчества, превращается в забвенный символ чуждого мира — мира, которому не суждено осуществиться.

Как раз таким Блок наиболее нужен для рантье университетской цивилизации, которые надеются получить «с него» кругленькие проценты под свои законопослушные кафедры.

Однако уже одно то, что С.Есенин «Москвы кабацкой» и Г.Иванов периода «мировой ночи» (то есть крупнейшие поэты Блока национальные наши поэты) в чем-то главным выросли из поэтической стихии Блока, из его «поэзии небывалой человечности», — уже одно это указывает нам на извечное и непрекращающееся противостояние культуры и цивилизации, противостояние, которое в недалекие уже времена или разрешится для нас торжеством культуры, или отпадет само собой с ее исчезновением...

Кстати, одна из последних «медицинских» версий гибели Блока говорит о «воспалении внутренней оболочки сердца». Это **верно** уже настолько, что даже не важно, подтвердится сама гипотеза или нет. Смерть великого русского поэта от «воспаления сердца» — это почти так же (и в высшей степени) закономерно, как и гибель великого западного философа вследствие «воспаления мозга».

Алексей ШОРОХОВ

г. ОРЕЛ